

Ф.Н. Плевако

**И ПЕЧЕНЕГИ
ТЕРЗАЛИ РОССИЮ,
И ПОЛОВЦЫ**

**ЛУЧШИЕ РЕЧИ
ВЕЛИКОГО АДВОКАТА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 347(091)

ББК 67.410

ПЗ8

Плевако, Ф.Н.

ПЗ8 И печенегии терзали Россию, и половцы. Лучшие речи великого адвоката. / Ф. Плевако. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Моя жизнь).

ISBN 978-5-17-123497-3

Федор Никифорович Плевако — выдающийся адвокат рубежа XIX–XX веков. Его выступления изменили представление о ходе судебного заседания, а его речи стали примером непревзойденного мастерства.

Он быстро сыскал славу лучшего и самого знаменитого адвоката Москвы. Защищал бедных и обездоленных, зачастую бесплатно, а порой и оплачивал все их расходы, связанные с судебными тяжбами.

Адвокатская деятельность Ф. Плевако прошла в Москве, что наложило отпечаток на его речи. Звон московских колоколов, ее архаичность, богатое событиями прошлое и современные адвокатские нравы и обычаи находили свое отражение в выступлениях адвоката. Именно поэтому его речи интересны не только с юридической, но и с литературной точки зрения.

УДК 347(091)

ББК 67.410

ISBN 978-5-17-123497-3

© ООО «Издательство АСТ»

Вступление

Одна старушка божий одуванчик ukrала простой жестяной чайник стоимостью 30 копеек. Её поймали. На защиту встал Ф. Плевако.

Прокурор, чтобы обезоружить адвоката, выступил в совершенно не свойственной обвинению тональности. Он сам стал описывать присяжным тяжелую жизнь пожилой воровки, заставившую её пойти на такой ужасный шаг. Обвинитель даже подчеркнул, что преступница вызывает жалость. Но, господа — продолжил он — частная собственность священна, на этом принципе зиждется мироустройство, и вообще — закон суров, но это закон. Присяжные согласно кивали и не собирались оправдывать пожилую преступницу.

Но тут слово взял Фёдор Плевако. Его речь была кратка и ярка: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за более чем тысячелетнюю историю. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Наполеон с армией из двенадцати языков обрушился на неё и взял Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь... Старушка ukrала старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно!»

Старушка была оправдана единогласно.

Эта история — не что иное как анекдот, возможно, основанный реальных событиях. А в книге вы найдете невыдуманные речи великого адвоката, оставившего такой яркий след в истории российской юриспруденции.

**РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО
НА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ**

Речь в защиту

А. И., Н. И. и М. Д. Новохацких,

*обвиняемых в лишении свободы сестры, взыскательстве
денежного обязательства и подлоге*

Господа присяжные заседатели!

Судя по страстности, с какой велось следствие, я думал, что мне придется спорить с обвинительной властью на каждом шагу, — спорить о приемах прений, о предметах, подлежащих вашему разрешению, о средствах борьбы.

Но я ошибся. Оказывается, что обвинение сходится с защитой во взгляде на способ ведения дела.

Напрасно страшился я, едуци сюда для защиты Новохацких, что на исход дела будет иметь влияние давно заведенная сплетня. Напрасно боялся я, что общественное мнение, сложившееся на основании не проверенных на суде слухах и разговорах, будет указываться прокуратурой как сильнейшая улика против подсудимых. Напрасно опасался я, что все усилия защиты сломить ложные улики, поколебать сомнительные сведения, уничтожить противоречивые свидетельства пропадут бесплодно под нажимом предвходящего в дело предубеждения. Совершенно согласно с долгом, лежащим на блюстителе закона,

обвинитель просил вас ограничиться лишь тем, что проверено и приобретено на суде.

К этой просьбе позвольте присоединиться и мне.

Бросьте сплетни, неведомо где зарождающиеся, заражающие воздух, — бросьте их: они создаются праздношатающимися людом, которому необходимо сочинять и распространять клевету, чтобы занять свой ум и совесть подходящею работою. Немало на Руси подобных людей, этих завсегдатаев провинциальных клубов, которые, по меткому замечанию одного писателя, способны, вслед за гнусной клеветой на вас, подойти и пожать вашу руку, предложив пить за ваше здоровье.

От сплетни беззащитен человек: за стеною ему не видать чужих оскорбительных взглядов. Лишь тогда, когда прямо и гласно ему бросают обвинение и зовут на суд, он знает, в чем его подозревают и обязан доказательствами очистить свою личность от того, что считает несправедливым. Новохацкие теперь знают, в чем их подозревают. Они пришли опровергнуть обвинение и просят внимания к их слову.

План обвинительной речи я несколько изменил в своем возражении. Спорить удобно, когда ясно поставлен спорный вопрос, когда знаешь, о чем говорить и что не идет к делу.

Не так поступило обвинение: оно собрало из дела данные, которые говорят об ошибках, об уклонении от правды, о темных сторонах быта Новохацких за их 40-летнюю жизнь, и за это предлагает обвинить их в подлоге, лишении свободы и вымогательстве обязательств у младших членов семьи.

Путь этот сложен: нам нужно уяснить сначала, в чем их обвиняют. Когда это будет выяснено, тогда видно будет, какие сведения идут к делу и что надо бросить.

Ведь если перед вами посадят обвиняемого в краже и начнут доказывать, что он не почитает отца с матерью, то будут говорить не то, что следует. Нехорошо быть мотом, нехорошо не почитать отца с матерью; но кто это делает, тот еще не вор, — его поступки кражу не доказывают. Если мы за то, что человек нехорош по другим делам, обвиним его в том, чему нет доказательств, обвиним в пылу увлечения и негодования, — мы обвиним неправосудно.

Уясним себе предметы обвинения.

Спор идет о трех преступлениях.

Обвинительный акт приписывает А. и Н. Новохацким противозаконное лишение свободы своей сестры Марьи в течение больше года времени. Здесь вам говорили, что Новохацкие насильно лишили сестру свободы; обвинительный акт выражается мягче: в нем сказано, что А. и Н. Новохацкие отвезли сестру против ее желания и без надобности в больницу, а потом взяли оттуда и поместили у Аверьяновой, у которой она прожила до освобождения, потому что братья лишили ее средств на возврат домой, не оставив денег. Физического насилия там, кажется, не было, и в этом поступке обвинение видело нравственное насилие.

Здесь была оставлена эта система обвинения, и заявлено было, что лишение свободы было насильственно.

Этот скачок обвинения не оправдывается судебным следствием, хотя понятно, зачем он сделан. Дело в том, что обвинитель не может по своему произволу карать деяния людей и подвергать их наказанию. Уложение, книга Уголовного Свода Российской Империи, — вот единственная указательница того, что запрещено. Что ею запрещено — то наказуемо; за то, что ею не запрещено, будь оно дурно, очень дурно, наказывать нельзя.

Между тем обвинение, изложенное в акте, грешит тем недостатком, что оно преследует ненаказуемое, непроступное деяние. В самом деле, ст. 1540 говорит вот что: «Кто по какой-бы то ни было причине и с каким бы то ни было намерением... самовольно и насильственно лишит кого-либо свободы, тот... приговаривается за сие...»

Ясно и просто требование закона. Но обвинение искажает его смысл и вводит новую теорию лишения свободы.

К счастью, высшее толкование принадлежит Сенату, а Сенат смотрит иначе на дело. Лишение свободы немислимо без того, чтобы оба эти средства были в ходу со стороны лица, лишившего свободы.

Таков вывод из решения Сената 1871 г. № 712 по делу Мельмана.

Но насилия и угроз, требуемых ст. 1540, в деле Новохацких не было, и простой смысл подскажет вам, что никто этой статьи не нарушал, что все слышанные вами и подобранные в одно целое речью прокурора подробности дела требования этой статьи

не удовлетворяют, и эта часть обвинения лопается, как мыльный пузырь.

Но так как в отношениях Новохацких к сестре, по сведениям предварительного и судебного следствий, есть что-то жесткое и неприятное, то позаймемся и пообсудим эти факты.

Нечего бояться подсудимых, если я напомним подробности, открою уголок их семейной жизни и неурядиц, — ведь вы обещали не обвинять невинного, не оправдывать виновного, и — сдержите слово.

Вы поймете, что если в деле не окажется того зла, за которое поделом вору и мука, а откроются иные, может быть, и непохвальные семейные ошибки, то нельзя злоупотреблять правосудием и за малое дурное обвинять в большом преступлении.

Вспомним же сведения о быте Новохацких, только не так, как это делало обвинение, скользившее мимо хорошего и долго-долго останавливавшееся на дурном: не станем останавливаться на бородавке и морщине, составляющих недостатки лица, а бросим взгляд на всего человека, на всю его фигуру.

Концы настоящего дела лежат далеко. Недавно умерла старушка Байдакова, бабушка подсудимых. У ней была дочь — Екатерина Новохацкая, мать подсудимых. Ее прижила Байдакова еще до брака. У Екатерины Новохацкой, кроме подсудимых и потерпевших, — еще три дочери, выданные замуж. Этих сестер мы здесь допрашивали, и они сказали нам, что братья Н. и А. Новохацкие с ними обращались родственно и по-братски и что никаких притеснений никогда себе не позволяли.

Обвинение было бессильно опровергнуть эту черту семейных отношений Новохацких и старалось свободным толкованием одного из писем А. Новохацкого доказать, что подсудимые были дурны с матерью. Позднее мы оценим этот довод, а теперь прошу вас вспомнить слова самих потерпевших, Марии и Константина Новохацких, три дня постоянно отрицавших обвинение и заверявших, что не было места ни тому истязанию, ни тому притеснению, которые приписывает подсудимым обвинение. Получается черта из жизни, совсем не похожая на то, что доказывает обвинение.

У подсудимых сестра Марья больна падучей болезнью. Болезнь эта началась еще в детстве, с испугу. Так заверяет мать ее, которой, конечно, лучше известна жизнь ее детища. Болезнь усиливалась с годами и по выходе из института достигла сильнейшего развития.

Что это за болезнь — вы знаете. Ужасны приступы ее. Когда больного корчит судорога, похожая на предсмертную агонию, когда появляется пена у рта и закатятся зрачки глаз, страх нападает на окружающих. Один вид болезни заражает других, пугает детей; при выкшие к страданиям доктора заявляют здесь, что даже для них невыносимы эти сцены. А этой болезнью страдала Марья Новохацкая.

Как же поступили с ней братья — эти злодеи и разбойники, по выводам обвинительного акта? Отвернулись? Бросили на произвол?

Нет! В течение трех дней все свидетели единогласно показывали, что Александр и Николай Новохацкие (именно они из всей семьи) ездили с больной то

в Екатеринослав, то в Харьков, то в Киев и Одессу, посетили всех знаменитостей южного края по части медицины и искали помощи. Не их вина, что болезнь не поддавалась усилию врачей, но их заслуга, что они ни времени, ни труда не жалели для сестры своей. И так же, как сыновья, заботилась о больной матери; у ней, говорили здесь, другого разговора с гостями не было, как расспросы о том, как бы помочь бедной дочери.

Что же обуславливает тот резкий переход, который допустили Александр и Николай Новохацкие по отношению к сестре в последнее время? Почему из братьев, так братски заботившихся о сестре (о чем умалчивает обвинение), они превратились в разбойников, в заточителей сестры своей? Из желания обобрать? Но они люди умные, самые развитые в семье своей, а Марья — девушка такая неразвитая и больная, что у ней можно взять, без всяких особых умений, всякую, какая понадобится, бумагу; сажать ее для этого в сумасшедший дом или делать то, что приписывают подсудимым по отношению к ней, было бесцельно.

Были другие поводы и другие побуждения.

Марья Новохацкая больна падучей болезнью, но рядом с этим у ней развита особая, страстная склонность — во что бы то ни стало выйти замуж. Доктора и опыт говорили, что удовлетворять это желание опасно. Иногда болезнь усиливается от брака, иногда она передается потомству.

Приходило на ум, что порядочный жених не решится связать себя с больной узами брака. А между

тем сыскались женихи: то были не из числа искренно любящих девушку, искренно ищущих в ней прежде всего ее самое. То были люди, которым сама невеста была не нужна, а нужны были ее средства. То были какой-то выгнанный за пьянство писец и за тот же порок рассчитанный Новохацкими управляющий. Здесь, на суде, кроме этих двух искателей, говорили еще о третьем. Недавно, на этих днях, по словам свидетеля, когда Екатерина Новохацкая уехала из деревни, живущая у нее женщина чуть-чуть не устроила свадьбу Марьи Новохацкой с одним из служащих при имении, и только горничная девушка спасла свою госпожу от ловушки, заявив о болезни невесты священнику.

Против таких людей боролись в семье Новохацких: таких людей опасается старший брат, когда пишет, что держать сестру взаперти нельзя, но нужно спасти ее и себя.

«Спасти себя», прибавляют братья, т. е. они не желают, чтобы состояние сестры перешло к ловкому обманщику, а предпочитают лучше, чтобы оно перешло после сестры в их руки. Желание эгоистическое, себялюбивое; но кто же назовет это мошенничеством или преступлением? Пожелать, чтобы имение сестры после нее досталось им, а не какому-нибудь постороннему лицу, ищущему не невесты, а ее денег, — совершенно естественно и извинительно. А это и руководило братьями.

Вам уже известно, что муж недавно умершей Байдак, дедушка Новохацких, любил больше всех свою больную внучку Марью, которая жила с детства

у него. У него было прекрасное состояние — имение Соленое, которое он пожелал оставить ей. Но так как ему в то же время хотелось обеспечить и дочь свою, мать Новохацких, Екатерину Новохацкую, то он оставил имение этой последней в пожизненное владение, а Марье — в собственность, не ранее смерти ее матери.

Из смысла завещания выходило, что в случае если Марья Новохацкая не переживет своей матери, то и не наследует имения деда, и оно тогда поступает, как наследственное, в род Байдака. При этом, так как мать Новохацких, дочь Байдака, Екатерина, прижита им до брака со своей женой, то имение Соленое к Екатерине Новохацкой не поступит, а перейдет в род Байдака, к его боковым родственникам. Следовательно, от случайности, переживет или не переживет Марья Новохацкая свою мать, зависело то, останется или не останется в семье Новохацких Соленое. Затем, если Соленое достанется Марье Новохацкой каким бы то ни было образом, то, принимая во внимание ее болезнь, семья решила, что она управиться с имением не сможет, и, вероятно, судьба этого имения будет та, что оно попадет в руки одному из тех женихов, который сумеет обделать дельце.

Надобно было выйти из этих двух затруднений, надо было закрепить имение за семьей — против случайности и против происков женихов. Этого думали достичь первой сделкой и решили, что по купчей крепости Марья Новохацкая должна уступить свои права матери. Такую купчую написали. В тот же день мать завещанием уступала это имение Александру и Нико-